

— Борис, когда мы говорили по телефону, вы были категорически против ужина и чуть было не отказались от встречи. Сказали, что есть шашлык на виду у всех неловко и даже неприлично...

— Мне надоело и не нравятся все эти Валтасаровы пиры с демонстрацией по телевидению. В этом есть что-то совершенно чудовищное: мозолить людям глаза тем, что у вас есть чуть больше возможностей поесть на несчастных презентациях. Надо очень тактично относиться и к зрителям, да и друг к другу. Конечно, если мы хотим создать сатирическую серию нравов нашего времени, в этом есть смысл. Но я не хочу участвовать в этой серии! И, как видите, у нас с вами сегодня два бутерброда, бутылка пива и два кофе. (Отмечу в скобках, что бутерброды были с рыбой, причем с белой, свежие и на вкус недурные.)

— Вас называют самым плодовитым режиссером среди художников. Я даже слышала такую фразу: «За три года Бланк снял 9 картин».

— Вот видите, какие у меня доброжелатели. Давайте посчитаем. С 91-го по 96-й: «Кремлевские тайны XVI века», «Шейлок», «Месть шута», «Карьера Артура Уи», один незаконченный фильм, называется «Ах, зачем эта ночь» по Леониду Андрееву. Не закончен потому, что у продюсера пока еще, правда, очень давно, нет денег на окончание. Хотя надежда есть. И вот сейчас заканчивается документальная картина по серии эротических рисунков Сергея Эйзенштейна. Что интересно, в рисунках он один человек, в фильмах — совсем другой. Ведь в его фильмах нет ни одной даже лирической сцены. Другой удивительный ракурс: Эйзенштейн дарит эти рисунки направо и налево, и это в то время, когда за один вот такой эскиз можно было надолго отлучиться от свободной жизни. Я думаю, что этот фильм может дать людям ощущение, что не так уж все страшно. Даже если их душа и тело разделяются, можно найти и этому какой-то достойный выход. Ведь Эйзенштейн, сколько он ни раздваивается, ни расстраивается, всего себя выплескивает в искусство.

— Борис, а в театре вы продолжаете работать?

— Да. Я оформляю два спектакля в театре у Джигарханяна. А в декабре собираюсь приступить к репетициям и, естественно, сам оформить «На дне» Горького. Само действие пьесы перестраивается, она будет в двух, а не в четырех актах. Я ввожу туда 10 уголовных баллад, их напишет Евгений Рейн. Инсценировку будет писать Павел Финн — сценарист, с которым мы работаем давно. В роли Луки — Джигарханян. Никогда не угадаете, кто сыграет Сатина — Игорь Угольников. Я понял, что если построить, ориентируясь на его пластику и фактуру, трагическую роль, может получиться совершенно поразительно! Я жутко крайне вдохновлен! Пьеса и такто современна. Это парафраз нашего сегодняшнего состояния.

— Если все-таки вернуться к моему первому вопросу про кино. Вы оказались на гребне во время кризиса. Все — безработные. Вы запускаете картину за картиной. Почему?

— Иногда это цепь целенаправленная. Иногда — цепь случайностей. Но то, что я могу сейчас сделать, мне пришлось бы годы пробивать до перестройки. У меня же нет режиссерского образования. А сражаться я не способен. Я пытаюсь искать, объяснять, доказывать. Есть люди, они меня связывают с тем, с этим человеком — с возможным инвестором. А уж дальше я сам должен доказать: экономически, творчески, художественно. Заразить. Когда мы снимали фильм «Месть шута» по «Риголетто», в котором Боря Моисеев сыграл главную роль, он сам нашел одного из инвесторов. Выручил очень сильно. Ну, правда, это мне стоило дорогого.

— Почему?

— С ним сложно работать, он же не актер в чистом виде, не танцор и не певец. Он шоумен, че-

Борис Бланк — живой классик кино. В качестве художника он работал на многих картинах («Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Дядюшкин сон», «Розыгрыш», «Мой ласковый и нежный зверь», «Любовь моя, печаль моя», «Анна Павлова» и др.). А в 91-м году, когда огромная масса кинематографистов оказалась не у дел, стал режиссером, который не знает простоя. Наша встреча состоялась в буфете Дома кино. Днем у Бориса были съемки, а после нашей беседы — деловой разговор с «предполагаемым спонсором».

Борис Бланк:

*Век. Москва. — 1997. —
14-20 авг. — с. 12*

КОГДА ВСЕ СЛОЖНО, ГЛАВНОЕ — ХОРОШО ПОЕСТЬ И ВЫПИТЬ

ловек, который раскручивает сам себя. Я решил воспользоваться всеми особенностями его личности, а также его манерой, медленной манерой и абсолютно ничего не значащими глазами. Боря не помнил текст. Например, фразу «Приветствую вас, герцог!» он, конечно, запомнить не мог. Он говорил: «Приветствую вас...», поворачивал голову, ему подсказывали: «Герцог!». «Герцог!». И возникла эта пауза. Я понял: его не переделать. Но использовать его особенности можно прелестно.

— Борис, а вы преподаете во ВГИКе?

— Нет. Во-первых, очень далеко ехать. Во-вторых, бесплатно работать? Я не могу себе позволить. Но я с большим удовольствием провел сезон на курсах у Грымова. Там прилично платили, предоставили полную свободу и самостоятельность и даже поощряли это. Хотя по большому счету я преподавать не люблю. У меня есть дефект, как у многих художников, — говорить про себя. Но я пытался сделать так, чтобы люди, которым я преподаю, получили хотя бы минимум навыков, без которых нельзя.

— А что вас больше всего раздражает в жизни?

— Очень многое. Во-первых, у меня нет тех удобств жизненных, которые мне хотелось бы иметь. И это не только из-за отсутствия должных средств, которых в самом деле у меня почему-то нет. Я ведь очень много работал всегда. Оформлял в эстраде. Еще утесовский ансамбль! Но так случилось, что у меня нет машины, которую я все равно не сумел бы водить. Нет дачи, на которую без машины ездить невозможно. Я прихожу домой, у меня свет там не горит, здесь не горит, у меня везде не горит свет, у меня одна лампочка! Декорации я могу строить. Жизнь устраивать не могу. Ванну надо ремонтировать. Она то засоряется, то протекает. Что за дела?! Почему?... Кроме того, конечно, хамство. Во всех проявлениях. Бездарные врачи. Чиновники — ну, благо, чиновники ко мне хорошо относятся. В любом магазине, который начинается как почти элитный, через пять месяцев не работает вентиляция, все тухлое, ко всему опасно прикоснуться. В метро — сплошное броуновское движение. Пройти невозможно, особенно когда спешишь. Нувориши наглюют. На дороге то один выскочит, подрежет какой-то зам в своей омерзительной вонючей машине, то другой. Почему из-за этих

остолопов я должен подвергаться опасности? Раздражает очень многое. Но я надеюсь, что духовный климат в ближайшее время — я думаю, в течение двух лет — станет благополучнее. Не будут кричать и со знаменами бегать по площадям. Закон станет законом. Все умиротворятся, и исчезнет то ощущение, что в воздухе искры летают.

Борис просит выключить диктофон, съедает остатки бутерброда. Остаться чавкающим даже на пленке он не желает.

— А что раздражает в кино?

— В кино больше всего раздражает нытье, что кино погубило, зритель не смотрит. Это нытье создает у возможных инвесторов отвращение к кино. Если бы ко мне пришел человек и сказал: «Так все плохо. Дайте денег!», я бы не дал. Потому что нельзя вкладывать в людей, лишенных оптимизма!

— То есть, по-вашему, наше кино не гибнет?

— Кино всегда находится в такой же стадии, что и общество. Его смотреть пока неинтересно, потому что оно отражает жизнь. Есть вещи, которые не для искусства. Я, например, никогда бы не снимал Черемушки — эти стандартные дома.

Они не для искусства. Но я уверен, что когда общество определится в своем экономическом и законодательном развитии, если не будет никаких катаклизмов — то и кино будет, и снимать будет, и бум начнется.

— Борис, а кто ваша любимая актриса?

— По-моему, у нас нет актрис вообще.

— А почему так получилось?

— Я думаю, потому что они существуют в быту, они все по своей внутренней идеологии из толпы. Если они более талантливы — это талантливые представительницы улицы, если менее талантливы — они просто толпа. Знаете, «вышли мы все из народа». А мне нужно, чтобы актриса хотя бы чуточку приподнималась над жизнью. Только тогда это будет интересно.

— А из западных?

— Европейские актрисы все миленькие. Ну вот во французском кино ходит холодный эстафаж Катрин Денев. Но что есть у нее — она вне быта. Она не из толпы, она над толпой, ею можно восхищаться. Марлен Дитрих обожаю совершенно. Она гениальна. Вообще в американских актерах нет плебейства. Это только в фильмах Тарантино все плебеи.

— Не нравится Тарантино?

— Омерзительно! Плебейство все! Как будто он привез все европейское разложение, всю европейскую грязь в американское кино. Ведь смотришь детектив американский — кровь брызжет, выстрелы, взрывы. А все равно театр. А у Тарантино все натурально. Мне он и сам отвратителен. И все от него отвратительно.

— Есть ли у вас какой-нибудь девиз, который помогает в сложных ситуациях?

— Нет. Когда я чувствую, что все сложно, главное — сесть где-нибудь и много вкусно поесть. И выпить. И я прихожу домой, ложусь. Я счастлив, я умиротворен. Я думаю: «Ну что решать... Завтра. А может, само решится. А не решится — так посмотрим».

— Утро вечера мудренее?

— Да. Но оно мудренее не только потому, что мне мысли какие-то придут, но и потому, что судьба сама или подскажет, или укажет единственное решение. А бороться с судьбой — безнадежное дело. Вы со мной согласны? Я с ней не борюсь.

Яна СОКОЛОВА

Фото автора